

Ольга Роман

12+

От печали до радости

или Первая любовь по-православному

Ольга Роман

**От печали до радости или Первая
любовь по-православному**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Роман О.

От печали до радости или Первая любовь по-православному /
О. Роман — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Он – словно темноглазый Грэй, она – Ассоль. Первая любовь. На заре XXI века. На последний школьный звонок. Школьная любовь – искренняя и открытая, и такая ненужная и беззащитная в этом мире взрослых. Не всегда ли она, не сплошь ли и рядом – просто горькая беда и недопетая песня, и досадное недоразумение старшим? Первая любовь. В городе камней и бетона. На берегу моря. Все как всегда. «И всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет...» (А.С. Пушкин). Так что же она, первая любовь?

© Роман О., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1. Алые паруса	5
Глава 2. «На полярных морях и на южных...»	7
Глава 3. «И пусть не станет серым алый парус...»	8
Глава 4. «Океан – это я!..»	13
Глава 5. Бог простит. Ты меня прости	15
Глава 6. Не вернуться, не взглянуть назад	18
Глава 7. Просто так	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Глава 1. Алые паруса

*Мне старая книжка напела
О том, как капитаны цвели,
Как девочка в платьице белом
Встречала в порту корабли.
Весь день проводила у моря,
Бродила по пляжу босой.
Давно это было, ни в сказке, ни в были,
А девочку звали Ассоль...*

Михаил Шелэг

Есть такой город у моря – Владивосток. И если у какого-нибудь человека российские имя и фамилия, то он, конечно же, хотя бы однажды в жизни, но слышал о нем. А кто-то не только слышал, но и сам живет где-то там, на краю земли и у края океана. А еще где-то там, на краю земли и у края океана дети однажды могут попасть на смену в детский лагерь «Океан». Наверное, это значит, что ты попал куда-то в сказку. Славные вожатые, распахнутая даль моря и радостные, стремительные дни таким увлекательным и счастливым калейдоскопом.

Это был какой-то диспут. Дружеский, захватывающий и вдруг открывающий лагерных друзей с новой, незнакомой стороны. Что-то о физиках и лириках. Что-то о том, что, оказывается, именно физики и математики и прочитывают в школьной программе «Войну и мир» так, чтобы полностью, от корки и до корки и от странички до странички. А потом это был прозвучавший вопрос вожатой:

– Поднимите руки, пожалуйста, кто из вас читал «Алые паруса»?

Все засмеялись, когда оказалось, что никто не читал. Руки не поднялись. Поднял руку только один мальчик, приехавший на участие в олимпиаде то ли по физике, то ли по математике. Через две недели он и займет по своему предмету первое место с самым большим отрывным баллом.

Она не засмеялась. Лина не засмеялась. Она тоже читала эту книгу. Не просто слышала о ней или имела представление о кратком содержании. Только не успела первой поднять руку, и на нее уже не обратили внимания, потому что слова вожатой уже потонули в серебристом, дружеском детском смехе. На того мальчика. На самих себя.

Лина глянула за окно на даль моря. Наверное, просто девочки многого не замечают, когда читают эту книгу или когда слышат упоминание о ней. Слишком красивая история о девочке, верившей в свою мечту и дождавшейся своей бригантин под алыми парусами. Только эта книга не только о девочке. Она еще и о мальчике. О пятнадцатилетнем Артуре Грэе, уплывшем юнгой в море. Он ведь потом станет капитаном. Через содранную кожу рук, паруса и ветер по лицу... Сказка. Романтическая феерия. Но когда-то все равно ведь были такие времена и такие характеры. Когда-то и где-то в прошлых веках. Но сейчас нет кораблей с парусами. Сейчас все просто и понятно. Обычная жизнь, вся жизнь от печали до радости¹. Когда девчонка с серо-голубыми глазами, беззаботная и продвинутая школьница с закатанными джинсами и модной стрижкой просто шлепает по прибрежному прибою и знает себе цену. И никто и не догадывается, что в глубине души она все та же Ассоль, которая грезит все теми же парусами. И ведь не только алыми. Еще и белыми. Когда соленая даль, и ты такая же, как тот отчаянный юнга, каким был и Грэй, и у тебя много мужества, доблести и стойкости.

Лина вздохнула. Не то, чтобы она хотела морской судьбы. Совсем не хотела. Она понимала – это все просто романтика и восторженные представления, такие далекие от истинной

¹ «От печали до радости» – песня Юрия Антонова.

действительности. Но все равно ведь душе чего-то хотелось. Чего-то такого, чего она и не знала сама. Как чем-то таким стали для того маленького мальчика у Грина его понимание судьбы и образа капитана: «Никакая профессия, кроме этой, не могла бы так удачно сплавить в одно целое все сокровища жизни, сохранив неприкосновенным тончайший узор каждого отдельного счастья. Опасность, риск, власть природы, свет далекой страны, чудесная неизвестность, мелькающая любовь, цветущая свиданием и разлукой; увлекательное кипение встреч, лиц, событий; безмерное разнообразие жизни, между тем как высоко в небе то Южный Крест, то Медведица, и все материки – в зорких глазах, хотя твоя каюта полна непокидающей родины с ее книгами, картинами, письмами и сухими цветами, обвитыми шелковистым локоном в замшевой ладанке на твердой груди»².

Но пока Лина была просто учащейся одиннадцатого класса в своей школе и назавтра у нее была олимпиада по краю по своему предмету. Литература. Наступил вечер и время перед отбоем. Линка достала было увесистый учебник для поступающих в вузы, данный ей с собою ее учительницей для подготовки на конкурс, но махнула рукой. «Перед смертью не надышишься», – подумала она и открыла другую книгу. Для души. Поудобнее устроилась на своем верхнем ярусе под потолком, перелистнула страницу. Николай Гумилёв. «Капитаны...»

² Грин А.С. Алые паруса.

Глава 2. «На полярных морях и на южных...»

На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.

Быстрокрылых ведут капитаны,
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведаль мальстремы и мель,

Чья не пылью затерянных хартий, —
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на разорванной карте
Отмечает свой дерзостный путь.

И, взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Ключья пены с высоких ботфорт,

Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет.

Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса,
Ни один пред грозой не трепещет,
Ни один не свернет паруса.

Разве трусам даны эти руки,
Этот острый, уверенный взгляд
Что умеет на вражьи фелуки
Неожиданно бросить фрегат,

Меткой пулей, острой железной
Настигать исполинских китов
И приметить в ночи многозвездной
Охранительный свет маяков?

Николай Гумилёв

Глава 3. «И пусть не станет серым алый парус...»

Лина всегда любила больше одиночество, чем шумные компании. Также и в лагере, когда в распорядке дня выпадало личное время, она обычно старалась оказаться где-то вдали от всех. На балконе корпуса. Спуститься к набережной. К набережной спускаться было нельзя. Но иногда разрешали. Как и сегодня. Она склонилась к парапету над морем. Сошла по ступенькам к воде. Это был январь. Но это был теплый январь. Снега не было. Вода не замерзла. Сквозь прозрачную толщу виднелось дно. Камушки гальки.

Он не заметил тоненькую, хрупкую фигурку в тени парапета. Он сбежал по лесенке, перепрыгивая через ступеньки, и опустил на прибрежные волны какой-то фрегат. Макет фрегата. Лина поняла. Он был не только физиком и математиком. Он увлекался модельным судостроением. И увлекался мастерски. Это был очень красивый корабль. Белые паруса, стяг Андреевского флага³, гордая надпись по борту: «Варяг»...

А потом он глянул вдаль на море, глянул по сторонам и увидел непрошеную соседку. На мгновение замешкался. Тимофей всегда держался привычной мальчишеской ватаги, и не понимал, и сторонился девчонок, как и всякий уважающий себя мальчишка. Это был какой-то другой мир. Это были какие-то два мира. Рядом, но всегда сами по себе. Наверное, он просто сразу же развернулся бы сейчас и ушел. Но его фрегат снесло волной к девочке, и он оказался у нее на руках. Тим махнул рукой. К тому же, подумал он, это была какая-то непохожая на других девочка. Вроде такая, как и все, вроде совсем обычная. Разговаривала и улыбалась с лагерными подружками, и они улыбались и разговаривали с ней. И в то же время всегда ведь где-то в стороне. Когда случалась какая-нибудь общая игра и отряд делился на команды, ее почему-то никто и никогда не выбирал и не звал, она попадала в ту команду, где просто не хватало участника. А еще, оказывается, у нее были такие большие серо-голубые глаза с лучистым-лучистым светом. Он никогда и не замечал. Впрочем, он вообще никогда не замечал девочек.

А она улыбнулась:

– «Варяг»...

Лина знала историю этого корабля. И любила эту песню: «Наверх, о товарищи, все по местам! Последний парад наступает!...»⁴ Может быть, потому, что эту песню любил папа.

Тим невольно улыбнулся тоже. Это правда была необычная девочка. Тимофею почему-то представлялось, что все девчонки грезят только алыми парусами и «Секретом» Артура Грэя. И, конечно же, никаких других кораблей и знать не знают и не слышали. Но эта красавица с серо-голубыми глазами так произнесла имя его корабля, что было понятно: она все знает. Кто такой был «Варяг»...

– Только это не то, что ты думаешь, – должен был заметить он. – Это другой «Варяг». Другой корабль и в другое время.

Лина не удержала вздоха разочарования:

³ Андреевский флаг представляет собой белое полотнище с двумя диагональными полосами синего цвета, образующими наклонный крест, называемый Андреевским. 1 (11) декабря 1699 года флаг с Андреевским крестом был провозглашен Петром I в качестве официального флага военного флота России (из Википедии). «С нами Бог и Андреевский флаг!» – именно с такими словами на флоте Российской Империи обращались перед боем командиры кораблей к своим экипажам. С этими словами моряки уходили в поход, прощались с близкими... По петровскому Корабельному уставу, флаг нельзя было ни сдавать, ни опускать ни перед каким противником» («С нами Бог и Андреевский флаг». Православие. инфо. Миссионерский журнал – <http://pravoslavie.info/1533-s-nami-bog-i-andreevskiy-flag.html>).

⁴ «Варяг» – песня на стихи австрийского поэта Рудольфа Грейнца (в переводе Е.М. Студенской), посвященная подвигу крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец».

– А я почему-то подумала, что «Варяг» и мог ведь быть только такой, – кивнула она на кораблик. – Уже решила, что как будто живую его увидела.

– Ты что, – снисходительно улыбнулся Тимофей с невольным чувством внутреннего превосходства. Конечно, что тут и говорить: девчонка. – Ты что, тот же бронепалубный крейсер, он не может быть таким. А это парусно-винтовой корвет. – И добавил уже прежним, дружеским тоном: – Но ты не думай, это тоже знаменитый корабль. Не такой славы, конечно, но тоже не совсем безвестный. Он плавал к берегам Америки, когда там была гражданская война между Севером и Югом⁵. Это был тогда поход очень большой политической и военной важности для России. И очень тайный. А боевой крейсер «Варяг» у меня тоже есть. Дома. Какой же флот без него. Только он все равно назван в честь вот этого корвета. Это была такая традиция⁶.

Лина посмотрела на корвет новыми глазами:

– К берегам Северной Америки...

У нее были свои причины на этот задушевный шепот. Когда-то в Северной Америке были прерии. Лина любила книжки про прерии. Это ведь было детство. В детстве все всегда по-другому, чем когда ты уже взрослая. И бизоны кажутся так близко – только протянуть руку. А еще в детстве читаешь так, как хочешь читать, а не так, как на самом деле. Куперовский Натти Бампо становится у тебя православным⁷, и Морис Джеральд из «Всадника без головы», и Олд Шеттерхенд с книжки про Виннету – тоже. Это потом она вырастет и не поймет, откуда и что взяла. В прежних книжках вдруг окажутся другие характеры. Другая жизнь. Но пока Лина не знает. Шестнадцатилетняя школьница, которая стояла сейчас на берегу Тихого Океана и улыбалась.

– А еще какие корабли у тебя в твой флотилии? – как-то самим собой не удержалась она от вопроса.

– У меня? – он загадочно блеснул глазами. – А ты догадайся. Посмотрим, угадаешь или нет.

Лине понравилась эта игра.

– Крейсер «Аврора»? – не замедлила она с ответом.

Тим улыбнулся и кивнул.

– «Санта-Мария»...⁸

– «Надежда» Крузенштерна. «Нева» Лисянского...⁹

А потом Лина вспомнила одну из своих домашних книжек, которые накупал ей папа. Веселая книжка про приключения рыжеволосого Солнышкина, который мечтал плавать по морям, по волнам. И попал на корабль одного важного и самонадеянного капитана, которого экипаж за глаза называл: «Плавали – знаем!»

– «Даёшь!», – засмеявшись, выговорила она, словно точно знала правильный ответ и собралась забрать главный приз в этой игре.

– Да, – рассмеялся в ответ и он.

⁵ В 1863–1864 гг. две русские эскадры почти год находились у берегов Северной Америки.

⁶ Конкретное название военного корабля, как правило, было единственным и не только на флоте, в списках которого он числился, но и во всех флотах страны. После гибели корабля или передачи на слом его название давалось другому судну соответствующего ранга и размера (отсюда и пошло крылатое выражение "Корабли не умирают") (Крючков Ю.С. Доктор технических наук, профессор. «Имена кораблей – это книга истории». <http://bazar.nikolaev.ua>).

⁷ «Как превосходен характер сына Восточной Церкви! Как он прост, величествен и свят! Протестант холодно умен; римлянин – восторжен, увлекает, уносится; сын Восточной Церкви проникнут святою истиною и кротким миром. Первые два характера – земные; последний нисшел с неба и предстоит нашим взорам в Евангелии. Этот характер воспитывается в православном христианине чтением Священного Писания и творений святых Отцов; христианин, напитываясь этим чтением, соде­лывается наперсником Истины и причастником подаемого Ею Святого Духа» (Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Посещение Валаамского монастыря).

⁸ «Санта-Мария» – флагманский корабль, на котором Христофор Колумб в 1492 году открыл Америку.

⁹ Первое русское кругосветное плавание было предпринято в 1803–1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева» под командованием Ивана Крузенштерна и Юрия Лисянского соответственно.

Лина вспомнила что-то еще.

– А вот такой у тебя есть? Наверное, точно ведь есть!

Достала из кармашка небольшой жетон, который купила домой в подарок младшей сестренке. Это была какая-то жестяная медалька, копеечный сувенир. Просто изображение с парусником. «Секрет»...

ВДЦ «ОКЕАН» – на другом обороте.

– С чего ты решила, что точно есть? – усмехнулся Тимофей.

– Ты ведь не зря читал эту книжку. «Алые паруса»...

Он взял жетон в руки, повертел и протянул ей обратно. Жетон выскользнул и полетел в море. Улегся на дно.

Лина махнула рукой. Но прежде, чем она успела что-нибудь сообразить, Тимофей уже скинул с себя одежду, нырнул в воду и вынырнул. Торжествующий и разгоряченный, снова стоял на берегу.

Она возмутилась всей силой своей души. Но возмущаться было некогда. Лина расстегнула ворот и сорвала с шеи шарф-палантин, бросила ему под ноги.

– Вставай... Вставай, ничего ему не станет.

Тим хотел возразить, но вовремя понял, что сейчас не время. Все ничего, можно занырнуть и вынырнуть, когда ты знаешь, что сейчас уже побежишь сразу же греться в корпус, но все-таки он не подумал, что еще придется ведь и одеваться, стоя мокрыми ногами на береговом граните. Брошенный шарф оказался очень кстати.

– А если ты заболеешь? – услышал он ее обеспокоенный голос.

Она не смотрела в его сторону. Она глядела на море.

– Мне ничего не станет, – сказал он. – Я спортсмен. У меня разряд по боевому самбо. Правда, я никогда не нырял вот так, как сегодня, но ты же сама видишь – вода не замерзла. Значит, тепло.

– Там просто в воде морская соль, – с возмущением обернулась она. – Приехал на олимпиаду по физике и как будто не знаешь, чем выше соленость, тем ниже температура замерзания. Ты не должен был. И потом, все равно нельзя. Даже если не заболеешь. Тебя вообще могут теперь выгнать со смены. Нарушение дисциплины.

– Брось, Лин, – махнул он рукой. – Тебя ведь Лина зовут? – переспросил он на всякий случай, вдруг перепутал ее имя с чьим-нибудь чужим, их ведь столько, этих девчонок в отряде, и он никогда не задумывался, как кого зовут, просто что уж на слуху. – Лин? А я Тим. Ничего. Все равно никто не видел. И никто не увидит.

Это правда сейчас, в январе, был пустынный берег. Никого. Только темноголовый мальчик и светлоголовая девочка. Только морская гладь. Дальняя сопка, спускающаяся к морю. Пустые окна летнего корпуса. Корпус заслонял их обоих от главного здания, где и располагались сейчас дружины. Правда – никого. Только нательный православный крест вспыхнул золотом на его груди в лучах солнца. Вспыхнул и уже оказался скрытым под футболкой.

– Никто не увидит. Бог видит, – заметила Лина.

– Да ну, Лина, – только и улыбнулся он в ответ.

– А твой крестик?

– Это – другое. Это отец с мамой меня крестили, когда я родился. Чтобы была защита.

– Защита, – не удержалась и насмешливо фыркнула Лина. Можно подумать, с таким отношением к Богу, какое он сейчас выказал, он ходит в храм, исповедуется, причащается. Защита! Талант золота, закопанный в землю. Ленивым и лукавым рабом. Лина прикусила язык, потому что вспомнила: *«Не позволяй себе говорить ближнему никаких укорительных, бран-*

ных, насмешливых, колких слов»¹⁰. И все-таки, уже оказалось поздно. Она уже сказала. Уже посмеялась.

– А ты не насмешничай, – сверкнул он на нее своими темными глазами. – Плавали – знаем. Видали таких.

Лина помолчала. Переломила мерзкую и противную гордость.

– Хорошо. Прости, Тим.

– Ладно тебе, – смутился он. – Я не кисельная барышня, чтобы передо мной просить извинений.

– Кисейная, – улыбнулась Лина. – Кисея – это была такая ткань.

– Ладно, кисель или кисея, все одно: про слабаков, – заметил он. – Смысл один и тот же.

Вздыхнул и махнул рукой:

– Виват, гардемарины. Я пошел.

Лина проводила его взглядом и снова повернулась к морю. «Варяг»... Кисейная барышня... Алые паруса... Так ярко блеснувший сейчас золотой нательный православный крест Тима... Она подняла шарф. Это был очень хороший шарф. Шарф-трансформер. Его можно было носить шарфом, а в храме накинуть на голову. К месту и красиво. Словно омофор у Пресвятой Богородицы.

Лина вздохнула. Вот уж точно, кисель ли или кисея, но все одно: про слабаков. Стихи, песни... Как будто она все забыла:

«В человеке живет грех: это безобразное чудовище, обитающее в глубине его души. Между тем человек как образ Божий стремится к красоте. Страсти рисуют ему грех в пленительном виде, но затем наступает горькое внутреннее прозрение. То, что казалось прекрасным, прямо у него на глазах становится уродливым, безобразным. Это скрытый в душе конфликт, постоянно переживаемый человеком. Если нет стимула бороться с грехом и страстями, то человек не знает другого внутреннего состояния, кроме чередования обольщения и разочарования, наслаждения и пустоты, миража счастья и его гибели. <...> Кумир – это глиняное или каменное изваяние, покрытое позолотой: он блестит издали, а от частых прикосновений к нему позолота слезает»¹¹.

«Поэты – гурманы земной красоты. Они не просто предаются страстям: страсти – источник их вдохновения, краски их палитры; они хотят испытать все страсти, увидеть их во всех оттенках и нюансах, чтобы воплотить в своих стихах. Поэты в душе язычники: то, что принадлежит Богу, они приписывают миру и человеку; поэтому в их сердцах сочетаются тоска по идеалу и неудержимое влечение к греху, которое они украшают, как золотой парчой – гроб.

В поэзии соединяются два начала: слово и музыка; имитацией музыки служат рифма и ритм. Когда мы слушаем музыку, то наш ум бездействует, как бы замирает; он переходит в пассивное состояние. Нельзя воспринять музыку на уровне сознания, она действует на те глубинные струны человеческой души, которые заставляют звучать эмоции и страсти. Музыка больше, чем какой-либо иной вид искусства, овладевает душой человека и парализует его личную волю. Если ум и воля действуют, то человек перестает слушать и чувствовать музыку. Гармония ритма увлекает человека, завораживает его, и он воспринимает стихи, будучи погружен

¹⁰ Игнатий Брянчанинов.

¹¹ Архимандрит Рафаил (Карелин). Умение умирать или искусство жить. О времени и смерти. Обманутые миром. Приводится по: https://azbyka.ru/otechnik/Rafail_Karelin/umenie-umirat-ili-iskusstvo-zhit/1_7.

их музыкой в состояние какого-то гипноза, воспринимает словесную ткань поэзии через тонкие ассоциативные связи, лежащие в области чувств.

Поэзия погашает дух (разумеется, мы говорим о мирской поэзии). <...>

Жизнь без Бога превращается в сплошной обман. <...> Поэты, как виночерпии, наливали кипящий напиток страстей в золоченые кубки и хрустальные чаши филигранных стихов, но затем ощущали на вкус, что это – грязь из сточной ямы. Что оставалось им? Ненавидеть Бога, а еще... зачарованно смотреть на облака, которые, как сказочные острова, плывут по перевернутому над землей океану».

Архим. Рафаил (Карелин)¹²

Лина посмотрела на море. Потянула тоненькую цепочку с шеи. Крестик тускло блеснул ответным серебром. И правда ведь все забыла. Посреди этой суматохи, смеха и песен. Хорошие песни. Добрые, душевные. Это, конечно же не про них, та статья у архимандрита Рафаила (Карелина) про поэтов. Это просто песни. Но все равно ведь – просто земная красота слова. Без Бога.

Ребята, надо верить в чудеса.
Когда-нибудь весенним утром ранним
Над океаном алые взметнутся паруса,
И скрипка пропоет над океаном.

Не три глаза, ведь это же не сон,
И алый парус, правда гордо реет
В той бухте, где отважный Грэй
нашел свою Ассоль,
В той бухте, где Ассоль дождалась Грэя...

А. Осокин. Алые паруса

Лина пошла по берегу к корпусу. Хорошие, конечно, песни. Добрые, душевные. «И пусть не станет серым алый парус...»

А может, не так? А может, по-другому? «И пусть не станет серой твоя вера...»

¹² Там же.

Глава 4. «Океан – это я!..»

«Океан – это я! Океан – это мы! Океан – это лучшие люди страны!..»¹³

«Океан» кружил голову, и Лина уже не готовилась на олимпиаду. Хотя многие ребята не теряли времени даром, ходили с книжками, с конспектами, что-то учили, что-то читали. Но Лина махнула рукой. «Скажи: „Я – первый!“ И не важно, что там впереди?..»¹⁴ Но она относилась как-то спокойно. Лучше было с головой занырнуть в счастливый, увлекательный круговорот океанской жизни и не отвлекаться на какие-то заботы. Лина попала сюда впервые и была очень удивлена, что здесь так хорошо и весело, хотя всё на виду, и много людей, и общий режим, – а она ведь даже и ехать сюда не хотела, не представляла, как это – жить на людях. Но она приехала. Просто из-за олимпиады и на олимпиаду. И чтобы забыть олимпиаду, как оказалось.

Она займет 13 место. Не последнее 28, но и до первого-второго-третьего окажется великая пропасть. И правда ведь все равно за неделю всего не выучить. Как всегда. Учишь одно, попадается другое. Наверное, это надо было целенаправленно готовиться за год. А не как она, что осенью в школу пришла новая учительница, предложила ей вдруг поучаствовать на рай-оне, – и пошел отсчет времени.

А может быть, еще Лина просто поняла: бесполезно. Некоторые из соперников по ее предмету были в этом же отряде. Если здесь все такие, то она все равно никогда не возьмет победы, можно и не думать. Это ведь не на районе победить. Это уже краевая олимпиада. Другой уровень. Она хорошо училась, но не так, чтобы постоянно ходить с книжками. Она все-таки больше любила море, и небо, и солнце, и гулять по берегу, чем все свое свободное время отдавать одной учебе. А здесь, в «Океане», как раз и было – море. Пусть – в январе, и больше – в песнях, но ведь все равно. Какая уже тут олимпиада! «Океан – это я! Океан – это мы! Океан – это лучшие люди страны!..»

Но Лина забыла не только олимпиаду. Она так ни разу и не достала, и не открыла. Ни Святого Евангелия. Ни своего православного молитвослова. *«И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: „дай, я выну сучок из глаза твоего“, а вот, в твоём глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» (Мф.7:3–5).*

Она вспомнила, когда вечером Тим оказался в столовой напротив нее. Кто-то случайно занял его обычное место, и поскольку все было понятно, что боевое самбо сейчас не приветствуется, он просто сел за другой стол. А потом увидел ее. Улыбнулся. Дружески посмотрел своими темными глазами с каким-то добрым бархатным светом в них. И снова стал уже сам по себе.

Вечером был сбор. Вожатая объявила, что будут соревнования по КВН. В лагере на смене 400 человек. Отряды где-то по 20. Будут выступать две команды. Одна – от четных отрядов, другая – от нечетных. И спросила желающих.

Один из мальчишек сразу же вызвался и толкнул соседа по кубрику¹⁵:

– Соглашайся! Это «Океан». Здесь надо во всем поучаствовать и все попробовать. Не пожалеешь!

Тимофей отрицательно мотнул головой. Он был физиком и математиком. Кавээнщиком он не был.

Тот не отступил:

¹³ Гимн ВДЦ «Океан».

¹⁴ Из океанских песен. Гимн смены «Молодые лидеры России».

¹⁵ Кубрик – жилое помещение для команды корабля. В ВДЦ «Океан» кубрик – жилое помещение, комната.

– Ты ведь не знаешь. Мы будем репетировать после отбоя, у нас будут тайные сборы. Будет здорово! Как весь девиз «Океана»: главное – не победа, главное – участие.

Тим улыбнулся. Это было уже другое. Это было приключение, и это было тогда интересно. Он поднял руку.

Позвали девочек. Лина колебалась. Она тоже не была кавээнщицей. Она его не понимала. И все-таки понадеялась просто на какую-нибудь мелкую и неважную роль и записалась. Просто это был «Океан», и здесь надо было не теряться и поучаствовать во всем. А еще это значило, что они с Тимом будут в одной команде. Самое главное. Тим...

Никто больше почему-то не стал записываться. Они от отряда оказались вот так втроем. Два мальчика и одна девочка. Лина не пожалеет. Это правда будет хорошее время. Репетиции начинались с энтузиазмом и напором. А потом надоедало. А потом все уставали. Но эта была хорошая, уютная усталость. Кто-то еще был занят, кто-то просто ждал. Кто-то усаживался с краю прямо на дощатом помосте сцены. Лина тоже любила так. Словно это какой-нибудь старый пирс. Это была такая большая и дружная толпа – кто там, кто здесь. Как в песне. «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...»¹⁶

¹⁶ О.Митяев.

Глава 5. Бог простит. Ты меня прости

Лина стояла над морем. Она положила на парапет перед собой свой православный молитвослов. Моря уже не было. Берега уже не было. Не должно было быть. «Старайся возвращать, – говорит святой Иоанн Лествичник, – или, правильнее, заключать мысль в слова молитвы. Если она по младенчеству исторгается (из заключения в слова молитвы), – опять вводи ее (в них)». Моря словно правда не стало. Наверное, оно отступило. Море никогда не видело Ассولي с православным молитвословом в руках.

Она вздрогнула. Просто слишком неожиданный голос.

– Ждешь алого паруса, Лин?

– Нет, – сухо сказала Лина и закрыла книгу.

Он был не вовремя. Совсем не вовремя и не к месту. Молитва – это ведь личное. Это очень личное. Как у Паисия Святогорца так хорошо это написано:

«– Геронда, когда я молюсь у себя в келье, волнуясь, чтобы какая-нибудь сестра не открыла дверь, и это меня отвлекает.

– Я, если молюсь, и кто-нибудь откроет дверь, то лучше уж пусть ударит меня по голове топором, чем увидит во время молитвы. Словно тебе ломают крылья во время полета. Вы еще не переживали духовных состояний во время молитвы, чтобы понять, что такое беспокоить человека, когда он молится. Не почувствовали этого общения с Богом, когда человек как будто уходит от земли. Если бы вы знали, что это такое, то уважали бы других, когда они молятся. Если была бы в вас эта духовная чуткость, то вы подумали: «Как я могу отрывать человека, когда он молится?» Понимали бы, какой большой вред причиняете человеку, и были бы осторожнее. Осторожнее не из-за страха, но из уважения к ближнему, который общается с Богом. Если уж нет духовной чуткости, то пусть будет хотя бы чуткость мирская, в хорошем смысле»¹⁷.

Но кто это понимает, если сам никогда не молился, вздохнула Лина. «Во время молитвы снова распинайся, распинайся на кресте молитвы»¹⁸. Что с него возьмешь, с этого Тима. Сбил, помешал и стоит, улыбается.

Он уже не улыбался. Лина не знала. Ее глаза блеснули на него такой сталью, что уже никто бы не улыбался. Сталью, словно это сверкнул на солнце борт «Варяга»...

А Тимофей просто бежал мимо, и мимоходом поприветствовал вчерашнюю знакомую, и собирался бежать дальше. Но она опустила его сейчас ниже плитуса, лучше всяких слов дав понять взглядом, что он последний дурак и осел. И Тим не мог теперь уйти так просто. Если бы он ушел сейчас так просто, то он ушел бы словно побитый пес с поджатым хвостом, опущенными ушами и пониклой мордой. Тим не мог так унизиться перед какой-то девчонкой. Даже если у нее глаза цвета стали бортов легендарного «Варяга».

– Не ждешь, так читаешь, – сказал он. И добавил почему-то жестокие, обидные слова: – Только это все равно сказка. В жизни так не бывает. В жизни нет Грэев. И нет Ассолой. Есть только дураки и дуры.

Она не ожидала. Но она ходила по воскресеньям на Литургию. Когда ходишь по воскресеньям на Литургию, то, наверное, у человека тогда появляются какие-то особенные стойкость и сила. Потому что он просто привыкает уже преодолевать себя. Хотя бы на эти два часа стоять и молиться. Или хотя бы нет, хотя бы пытаться молиться. А потом можно молчать. Просто молчать. Даже если земля уходит из-под ног. Потому что она правда не ожидала. Потому что это было невозможно. Это – Тим? Темноглазый, добрый, такой хороший Тим? Она не ответила. Она просто снова отвернулась к морю, словно была здесь одна.

¹⁷ Паисий Святогорец. Том VI. Вторая часть. Подвиг молитвы. Отвлечение в молитве.

¹⁸ Игнатий Брянчанинов.

Тимофей уже стоял, прислонившись на перила. Наверное, он не понимал. Почему всегда так получается? Ведь не хочешь. Но возьмешь и все равно порой обидишь. Маму. Лучшего друга. Лина не мама и не лучший друг. Просто девочка, одна из сотен, из тысяч других. Но вот именно. Просто девочка с глазами цвета стали. А он – Тим.

– Прости, – заметил он.

Лина повернулась. Почему-то всегда неудобно, когда у тебя просят извинений. Все-таки, и сама тоже всегда хороша. Но у православных есть замечательные слова, и Лина улыбнулась.

– Бог простит. Ты меня прости, – эхом отозвалась она.

Тимофей посмотрел на лежавшую на парапете книгу, с которой застал ее.

– А это что за книга, Лин? – сказал, чтобы просто хоть что-то сказать.

Лина хотела забрать молитвослов и спрятать, как и принесла, под куртку. Там у куртки был надежный потаенный кармашек, куда он как раз весь помещался. Как будто специально для него. А Тим все равно в нем ничего не поймет. Но не успела. Тим уже листал странички. Лина не знала. Тим уже листал странички, выхватывая мыслью отдельные фразы: «Почтѡ убѡгаго обѡдиши, мзду наѡмничу удѡржуеши, брѡта твоегѡ не любиши, блуд и гѡрдость гѡниши?»; «очѡма взираѡй, ушиѡма слыѡшай, язѡком злѡя глагѡляй, всегѡ себѡ геѡнне предаѡй: душѡ моя грѡшная, сегѡ ли восхотѡла еси?».

– Так вот о чем вы молитесь, – наконец вздохнул он и вернул ей книгу.

Тимофей не понимал. Тимофей никогда не понимал, о чем и ради чего можно молиться. В жизни надо иметь силу и стойкость, а не молитвы. Но сейчас он, наверное, и сам бы так помолился: «Нѡне приступѡх аз грѡшный и обременѡнный к Тебе, Владѡце и Богу моему; не смѡю же взирѡти на нѡбо, тѡкмо молѡся, глагѡля: даждь ми, Гѡсподи, ум, да плѡчуся дел моих горько». Сейчас, когда так легко и просто обидел другого человека и не заметил. Лина уже словно забыла. Только он сам все равно ведь знает и помнит. Точно так: «Согрѡших, бо, Господи, согрѡших на небо и пред Тобою...»

А Лина не удержалась. Православная вера – она, конечно, вся об одном: «*Даждь кровь и приими Дух*»¹⁹. «*Отвергнись себя...*» (Мк.8:34) Но Лина любила службы в храме. А счастье – оно ведь всегда счастье. «Счастье – это как торт на блюде, одному не справиться с ним»²⁰.

– Тим! Приходи тоже! Приходи тоже на Литургию, – как-то неожиданно для самой себя позвала Лина. И добавила: – Ты ведь не знаешь. Когда ты самходишь, ты все поймешь. А еще это как будто ты записан в президентский полк! – попыталась она найти какие-нибудь понятные, близкие слова.

Лина вздохнула. То же самое, что сказать кому-то, что такое море и Владивосток, если тот никогда их не видел. Слово бессильно. Слово не передает смысла, когда речь заходит о вещах, которые понимаются одним только собственным опытом. А еще словом так просто сказать все не так и все не то: «Не сочиняй себе восторгов, не приводи в движение своих нервов, не разгорячай себя пламенем вещественным, пламенем крови твоей. Жертва, благоприятная Богу, – смирение сердца, сокрушение духа. С гневом отвращается Бог от жертвы, приносимой с самонадеянностью, с гордым мнением о себе, хотя б эта жертва была всеожжением»²¹. Но Тим поймет. Тим все поймет потом сам. А пока она просто вспомнила, как папа смотрел как-то инаугурацию президента, и как там все было торжественно, и как стоял президентский полк. Как и надо ведь стоять на Херувимской, и как звучат в ней вот эти слова: «*всякое ныне житейское отложим попечение...*»

– Президентский полк бабушек с тятками наперевес и девчачий батальон таких, как ты, – усмехнулся Тим.

¹⁹ Петр Дамаскин.

²⁰ С.Трофимов.

²¹ Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. О любви к Богу.

Он знал. Все ведь знают, что в эти храмы ходят одни женщины и дураки. Которые как овцы.

– И что я там тогда потерял? – заметил он.

Лина улыбнулась. Они не бабушки. Они – жены-мироносицы. Жены-мироносицы, которые оказались когда-то мужественнее и смелее мужчин. И сейчас тоже – непонятно. Должны же все-таки всегда быть и какие-то новые Александры Невские и Димитрии Донские. А тут даже Тима нет. Когда кто-то все равно ведь есть. Несмотря ни на что.

– Не только, как ты сказал. Но еще батальон четверых, – сказала она.

– Кого? – не понял Тим.

– Это есть такой рассказ²², – объяснила Лина. – Четверо морских десантников попали в окружение, но пробились и вышли к своим, и еще и много врагов положили. Вот такой батальон четверых. Нас мало, но мы в тельняшках. Не как некоторые, – добавила она.

– Ты на что намекаешь? – невольно заметил Тимофей.

– На тебя, – сказала Лина.

– Глупость какая-то, – услышала она ответ Тима, словно от самого сердца. Он был таким искренним, таким открытым, этот ответ, что Лина не удержалась от смеха.

– Да ну тебя, Лин, – продолжил он. – Какой-то храм, куда-то ходить...

– Не ходи, – согласилась она. – Можно подумать, я тебя силком тащу, как если бы у меня была собака и мне вести питомца гулять на поводке, а он уперся лапами и ни с места.

– Лина, – сказал Тим.

Лина кивнула. И отвернулась к морю. Но не потому, что обиделась на его зазвучавший металлом голос. Просто посмотреть на море. Веселая и беззаботная. Она никогда не понимала, как это и о чем можно дружить с мальчиками. Одно дело – погонять в футбол в общей дворовой команде, когда никто никого не знает и никого потом не помнит, и совсем другое дело – дружба. Но это был Тим. Они уже, наверное, стали словно друзья. Потому что никто и ни на кого ведь сейчас не обиделся.

– Нас потеряют, Лин, – нарушил наконец молчание Тимофей.

Лина посмотрела на корпус вдалеке. И правда ведь потеряют. Надо бежать. А потом ей пришла веселая, задорная мысль:

– Побежали наперегонки?

– Ты проиграешь, – безжалостно и прямо сказал Тим.

– И пусть! – тряхнула Лина светлыми локонами, выбившимися из-под шапочки и рассыпавшимися по куртке. – «Врагу не сдается наш гордый «Варяг», пощады никто не желает!»

Тим махнул рукой.

²² Соболев Л.С. Батальон четверых.

Глава 6. Не вернуться, не взглянуть назад

Смена закончилась быстро. Неожиданно и разом, хотя Лина и знала, и вроде ждала. Но все равно не верилось. Не верилось, что все уже за плечами. Эти две с половиной недели стали словно один миг. «*Помни последняя твоя и вовеки не согрешишь*» (Сир.7:39), – почему-то вспомнила Лина из книги Сираха. Смерть, наверное, такая же. И все обнуляет. Все обесценивает. Поэтому правильно. Смерть лучше помнить. Лучше всегда стараться помнить самой. «Память смертная приучает человека не бояться смерти. Кто всегда приуготовляется к смерти, тот сможет достойно умереть. Ибо, как тот, кто всегда находится в готовности сразиться с неприятелем, уже не страшится, так и мы...»²³.

Но сегодня Лине было не до смерти. Сегодня у нее было другое горе. А еще сегодня была традиция. Отряд построился и пошел к морю. Бросать монетки и загадывать желания. Вожатая сказала, что уже замечено, загаданные желания потом обязательно сбываются.

Лина отошла в сторону. Кидать монетку – это было не про нее. Православные не кидают монеток. Когда-то платили за это своей кровью, что не кидали чего-нибудь такого на жертвенник чужих богов. Сейчас хорошо, осталась только память. Можно просто встать в стороне.

А среди ребят началось какое-то особое оживление. Это Тим со своими сотоварищами из кубрика придумали кидать монетки не просто так, а кто дальше. Начинание случайно услышала и подхватила вожатая, и теперь это уже было словно спортивное состязание, когда зрители затаили дыхание и ждали. Лина осталась стоять поодаль. Ей здесь было даже лучше. Всё всегда как на ладони, когда чуть издалека. А еще все-таки хорошо было стоять в такой ответственный момент одной. Для нее это ведь были не забава и не смех, как для остальных, она переживала за Тима, чтобы он победил. Это было как пенальти по воротам в добавочное время в каком-нибудь футбольном матче, когда счет 1:1, и сейчас все решится, кто больше забьет мячей. Лина смотрела один год какой-то чемпионат мира по футболу вместе с младшим братом, сейчас ей было уже неинтересно, но тогда она посмотрела и теперь знала: все очень серьезно. И непросто. Потому что второго броска у Тима не будет.

Тим кидал последним. Такой серьезный, спокойный, темноглазый Тим. И это была победа. Решительная и бесповоротная.

– А теперь похлопали, – услышала Лина звонкий, торжествующий голос вожатой.

Ребята захлопали.

Вожатая улыбнулась:

– А теперь похлопали, как себе!

Странное дело – всегда в подобных случаях все было понятно, что все хлопали искренне и честно. Любому сопернику. Потому что дружно, потому что громко. Но когда звучало это напоминание – и откуда тогда брался такой гром аплодисментов. Тим попытался отмахнуться, что он ничего не сделал. Но это был «Океан». Здесь так было принято. Аплодисменты и овации. Выиграл ты или проиграл, достал ли с неба луну или просто закинул дальше всех эту монетку в море. Но Тим все равно не понимал. И тогда он отошел в сторону. Лина улыбнулась. Это был Тим.

– Глупость какая-то, – сказал он.

А она просто стояла. Стояла и улыбалась. «Океан – это я! Океан – это мы! Океан – это Тим!», – невольно подумала она сейчас на строчку из знакомой песни.

А потом берег снова стал обычным. И почему-то печальным. Лина посмотрела на море. Это было обычное море. И обычный день. Только какая-то печаль. Какая-то грусть. Словно она

²³ Серафим Саровский.

и здесь, и не здесь. Словно стоит не перед морем. Словно над степью в полночь. Не вернуться, не взглянуть назад.

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

На пути – горячий белый камень.
За рекой – поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не выиграет больше никогда²⁴.

«Доспех тяжел, как перед боем. Теперь твой час настал. – Молись!» – наверное, как-то по-особенному и словно самим сердцем поняла Лина сейчас эти блоковские строчки.

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.

²⁴ А.Блок. На поле Куликовом.

Глава 7. Просто так

Словно суровым облаком грядущий день окажется заволочнут назавтра уже с самого утра. Потому что это должен был быть еще целый день в «Океане», а потом – вечер, прощальный огонек. Лина знала, как все будет. Потому что похожий огонек уже был, в самом начале смены. Потушат свет, все с вожатыми вместе расположатся кругом, сядут или лягут на полу вокруг импровизированного костерка. Будут слова, как дойдет до каждого его очередь. Тим что-то скажет, как всегда, сдержанно и открыто, и замолчит. Кто-то будет вытирать слезы. Вожатые говорят – все плачут. На конце смены – все. Лина никогда не любила публичных выступлений. Но это «Океан». Здесь все говорят, и все благодарят, и все свои, и нет тайн, и не у нее одной прервется голос. Она поблагодарит тоже. Всех и каждого. Скажет, что была рада, и какие все хорошие и лучшие. Она скажет все, как уж получится и что уж будет на сердце. И только умолчит одно имя. Что особенно рада – Тиму. Как она рада, что узнала его. Тима Лесовского...²⁵

Но вечернего огонька не будет. Для нее – не будет. За ней машина приедет раньше. Уже сегодня где-то после обеда. Перед завтраком зашла вожатая и сказала, что позвонили и сообщили, и надо собираться. Лина выкинула вещи из шкафчика, собрала сумку. Потом отряд построился на завтрак. После завтрака на отрядном месте появился лист ватмана. Вожатая раздала тетрадки. Ребята записывали на ватман свои адреса и переписывали себе чужие. Это тоже была такая традиция. Это будет океанская переписка. Лина оставила свои данные. Записала адреса нескольких девочек. Лина еще не знает, почему, но ее адреса никто не запишет. Океанская дружба останется на этом листе ватмана. Лина еще не знает. Но будет так, как будет. Все – обман, все – миражи.

А потом девочка перевернула лист тетрадки и переписала на отдельную страничку адрес Тима. Она не знала, зачем и почему. Все равно ведь не напишет и не позвонит. Но просто переписала. Самым красивым, самым аккуратным почерком, какой только вообще может быть на свете. И все-таки почерк получился обычным. Лина посмотрела, вздохнула. Отошла к окну. К огромному и высокому окну. Море. Солнце. Небо... «Просто так, – вспомнила она одну из океанских песен. – Просто так идут дожди по земле и потеряны от счастья ключи...»²⁶

Потом был обед. Машины все не было. Лина тоже пошла с остальными на прощальный концерт закрытия смены. Она уедет прямо из зала. Они с вожатой сядут поближе к выходу. Лина затолкает сумку под кресло, чтобы не мешала, устроит куртку назад. Рядом окажется Тим.

²⁵ Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны.

²⁶ Юрий Визбор. Перевал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.